

По дороге вниз с горы Сяо И не проронил ни слова.

Крупные, с боб, капли дождя били по телу, и оба промокли насквозь. Спускаться с горы было трудно, а Линь Мудун, когда только что бросился к Сяо И, как назло, подвернул ногу. Сяо И с мрачным лицом успел его подхватить.

Линь Мудун видел, как Сяо И смеётся от души, видел, каким свирепым тот становится в драке, но таким молчаливым, не говорящим ни слова видел впервые.

Лицо Линь Мудуна побледнело. В душе было тревожно, он не знал, как заговорить, и потому стал ещё осторожнее.

Сяо И сердился.

Рана болела. Линь Мудун тихо застонал и осторожно потянул пальцами Сяо И за ворот одежды.

— Что? — Сяо И всё ещё злился и не хотел много говорить.

— Сяо И, ты расстроен, — тихо произнёс Линь Мудун, самым робким голосом просто констатируя факт.

Ветер и дождь шумели вокруг, осенний ливень обрушился на горный лес. Сяо И не ответил, и Линь Мудуну оставалось слышать лишь сплошной гул дождя, барабанившего по сухим листьям.

Линь Мудун уже едва не плакал. Глаза поникли, не было ни уверенности, ни храбрости. Он всё такой же трусливый. Совсем бестолковый.

С карниза непрерывной цепочкой стекала дождевая вода, с черепицы звонко капало. Потоки бежали по плитам из синего камня, а затем впитывались в землю. Старушка Ли Юйфэнь волновалась за внука и всё ходила у двери, выглядывая наружу. Лишь спустя некоторое время она дождалась двоих, вернувшихся под вечер. Из-за дождя на деревенской дороге Сяохэ никого не было, поэтому Сяо И совершенно открыто нёс Линь Мудуна на спине, и никто их не увидел.

Даже Ли Юйфэнь заметила, что между молодыми что-то не так, но расспрашивать не стала и куда больше тревожилась о травме внука.

— Лучше всего бы жёлтое рисовое вино и порошок гардении, растереть - станет легче. Или листья полыни с имбирём... — тихо подсказала старушка. Её осторожный, боязливый вид был точь-в-точь как у Линь Мудуна: словно она тоже опасалась ненароком рассердить Сяо И.

Ли Юйфэнь и сама была робкой, молчаливой женщиной. Только ради внука она набралась

смелости заговорить с Сяо И, который из-за одного своего крепкого телосложения выглядел весьма внушительно.

— Я схожу соберу, — Сяо И бросился под дождь, даже не успев надеть ни бамбуковую шляпу, ни соломенный плащ, и вскоре исчез за пеленой дождя.

Линь Мудун встретился с Сяо И взглядом и тут же опустил голову. Он тревожно моргнул и обиженно сказал:

— Бабушка, кажется, я его рассердил. Он меня игнорирует.

Ли Юйфэнь улыбнулась и вытерла с лица внука дождевую воду.

— Я тоже заметила. Но он человек прямой и открытый, из-за какой-нибудь мелочи настоящую обиду таить не станет, — старушка хоть и была мягкой и робкой по характеру, людей понимала хорошо.

Когда дождь немного ослаб, Сяо И вернулся с целой корзиной лекарственных трав за спиной. Одуванчик рос прямо в горах, а имбирь был посажен за домом, так что не пришлось переходить горы и идти покупать его у старого лекаря.

Старушка немного разбиралась в простейших лекарственных средствах и унесла травы на кухню, чтобы обработать и приготовить. В небольшой комнате остались только Линь Мудун и Сяо И. Один сидел ниже, понутив голову, другой стоял выше и сердито смотрел вниз.

Острый, словно волчий, взгляд Сяо И молча впился в Линь Мудуна. В нём ясно читалось: сегодня ты обязан всё объяснить, иначе я так и буду сердиться.

— Я тебе много должен, - Линь Мудун решил наконец сказать всё прямо: — Деньги на лечение бабушки, расходы на еду - если сложить всё по одной сумме, выходит совсем немало. Даже мой родной дядя не захотел тратить на меня столько. Я не хочу, чтобы ты думал, будто мы здесь просто едим и живём за твой счёт, я и сам не хочу жить за чужой счёт. В горах есть лекарственные травы, некоторые я знаю. Если продавать их, получится быстрее вернуть тебе деньги. Я просто не подумал как следует, забыл, что горные дороги трудные, и не ожидал, что из-за меня тебе ещё придётся подниматься в горы и искать меня.

Договорив, он словно сбросил тяжёлый камень с груди, но вместе с облегчением накатил ещё большая печаль. Все эти дни он только и делал, что создавал другим хлопоты.

Линь Мудун уже приготовился к тому, что, если Сяо И действительно рассердился или начал тяготиться им, он соберёт узелок, заберёт бабушку и уйдёт. А когда придумает, как им жить дальше, понемногу вернёт все деньги.

Линь Мудун не смел поднять голову и посмотреть на выражение лица Сяо И. Когда он закончил говорить, вокруг воцарилась тишина. Вдруг краем глаза он заметил движение. Высокий мужчина сел рядом и почти неслышно вздохнул. В этом вздохе было много чувств, но только не раздражение.

— У тебя ещё и дядя есть? — первым делом спросил Сяо И.

Линь Мудун кивнул. Ему нечего было скрывать от Сяо И, поэтому он рассказал обо всём, что случилось с ним после бегства от бедствия.

Дверь восточной комнаты была открыта, за порогом дождь висел туманной пеленой. С западной стороны, на кухне, разливался запах лекарственных трав, маленькая глиняная печка тихо булькала, выпуская клубы белого пара. Ли Юйфэнь издали смотрела, как разговаривают двое молодых, и не стала входить и мешать. У молодых свои способы решать дела, ей незачем было слишком вмешиваться.

Когда ветер и дождь постепенно стихли, рассказ Линь Мудуна тоже подошёл к концу. В уезде Хэси случилось большое наводнение, люди пострадали от бедствия, а вслед за ним пришла эпидемия. Именно во время этой эпидемии умерли его родители. Их семья держала клинику, а отец с матерью были добрыми и отзывчивыми людьми. Они не могли спокойно смотреть на чужие страдания, поэтому сами выходили лечить больных, не брали ни одного вэня и бесплатно помогали беднякам, которым было не по карману лечение.

Каждый день они ещё до рассвета начинали варить лекарства и лишь глубокой ночью возвращались домой, измученные до предела. И хотя меры предосторожности они соблюдали, ежедневно сталкиваясь с таким количеством больных, избежать заражения всё равно было трудно. Постепенно Линь Мудун перестал видеть улыбки на лицах родителей и слышал лишь бесконечные вздохи. Последнее ясное воспоминание о них осталось с того дня, когда он провожал их в последний путь. Всё, что случилось потом, было чередой бедствий, о которых он не смел вспоминать.

Клинику силой захватили конкуренты, а их с бабушкой выгнали за дверь. Линь Мудун взял тайно накопленные за несколько лет личные деньги - немного, всего восемь лян серебра - и решил отправиться к дяде.

У дяди они жили в дровяном сарае, а тётка приносила им немного овощных листьев и пшеничных отрубей, чтобы хоть как-то набить живот. Однажды утром, проснувшись, Линь Мудун обнаружил, что восемь лян серебра из узелка исчезли. С покрасневшими глазами он пошёл требовать объяснений, но семья дяди просто выгнала их за дверь.

Денег при нём не осталось, бабушка заболела, идти было некуда.

.....

Снова переживая всё это в памяти, Линь Мудун словно заново сдирал корку с зажившей раны и теперь снова должен был ждать, пока время её затянет. Смерть родителей, бегство из родных мест, предательство родственников - он и сам не знал, что из этого принять тяжелее всего.

Сяо И молча смотрел на него, и в его взгляде было столько боли и жалости, что они почти переливались через край.

— Тогда и я расскажу тебе о себе. Зимой, когда мне было девять, отец пошёл в горы рубить дрова. В лесу было скользко, дорога тяжёлая. На обратном пути он сорвался со скалы. Когда его нашли, тело уже окоченело, а рядом лежали только что нарубленные дрова. Мать выплакала все глаза. Я стоял возле гроба и плакал вместе с ней... — голос Сяо И стал ниже. Для него всё это произошло много лет назад и уже успело поблекнуть в памяти.

Он почитал горы и одновременно боялся их. Поэтому, когда узнал, что Линь Мудун один ушёл в горы, да ещё в точно такой же дождливый день, ему стало страшно. После смерти отца родственники попытались прибрать к рукам дом и поля. День за днём они приходили устраивать скандалы, давили на них, запугивали и пытались заманить выгодой. Мать не выдержала такого изматывающего давления. В один самый обычный вечер она приготовила целый стол еды, собрала свои вещи и тихо ушла.

Сяо И тогда было девять, и кое-что он уже понимал. Девятилетний мальчик сел под карнизом, молча доел всё, что стояло на столе, и больше никогда не пытался узнать, что стало с матерью. Прошло уже больше десяти лет, и даже ненависти почти не осталось. Иногда он и сам не понимал, кого именно должен ненавидеть, поэтому ему оставалось лишь понемногу переваривать всё самому и взрослеть.

Ли Юйфэнь вошла в самый подходящий момент, держа в руках чашку лекарственного отвара и снадобье для наружного применения. Поставив всё, она снова вышла, но перед тем тревожно оглянулась назад. Двое молодых говорили слишком откровенно и глубоко, а она всё же волновалась: в комнате наедине остались молодой мужчина и незамужний гэр.□□

— А что ты собираешься делать дальше? Куда хочешь пойти?

Линь Мудун растерянно поднял голову, а затем так же растерянно покачал ею. Он ещё не знал, куда ему идти. Дома больше не было, родственники тоже отвернулись.

Взгляд Сяо И едва заметно изменился и стал всё глубже. В груди словно что-то яростно билось, удар за ударом, пока слова, застрявшие в горле, сами не вырвались наружу:

— Раз тебе некуда идти, тогда оставайся здесь и дальше.

Линь Мудун склонил голову набок, не понимая смысла этих слов. Сяо И действительно готов всё время позволять ему здесь жить? Ведь он и так уже задолжал немало денег.

Гэр-подросток ещё не слишком разбирался в чувствах, откуда ему было понять скрытый смысл слов Сяо И.

Сяо И редко чувствовал себя настолько неловко. Он серьёзно посмотрел на Линь Мудуна:

— Моя семья хоть и небогатая, но у меня есть десять му хорошей земли. Когда нет полевых работ, я хожу в уездный город сопровождать разовые грузы, есть заработок. За горой ещё находится половина участка леса для заготовки дров. Не скажу, что смогу каждый день кормить семью рыбой и мясом, но голодать и мёрзнуть точно не придётся. Моего заработка вполне хватит, чтобы содержать семью.

Сяо И сказал всё прямо. Он и без того не был человеком, склонным мяться: если чего-то хотел, всегда сам за это боролся.

С Линь Мудуном было так же. В его смутном понимании словно появилась крошечная трещинка, будто сквозь густой тёмный туман пробился луч света. Но щель была ещё слишком мала, чтобы он сразу всё осознал. Он лишь смутно чувствовал, что Сяо И смотрит на него необычайно горячо, словно яркое и тёплое пламя.

На лице Линь Мудуна расцвела улыбка. Он хоть и не до конца понимал, но... если подумать, выйти замуж за Сяо И вроде бы тоже было неплохо?

Ли Юйфэнь ещё не знала, что двое молодых, скрыв от неё, уже осмелились сами договориться о браке. Когда она всё-таки узнала, внук вместе с Сяо И пришли спросить её мнения. Что она могла сказать? Уже хорошо, если она не станет обузой для внука, к тому же она видела: Сяо И - парень неплохой.

Новость о том, что Сяо И собирается жениться, разлетелась сама собой и едва ли не за одну ночь стала главной темой разговоров во всём Сяохэ.

Кроме Дацяна и Шуныцзы, потрясены были и второй дядя Сяо с женой.

— Отец, говорят, второй мальчик привёл откуда-то гэра и через несколько дней уже собирается жениться. Я хочу сходить посмотреть, что он за человек.

Вторая тётушка Ли Син-эр отсчитала шесть яиц и торопилась даже больше, чем её муж Сяо Чаншань. Хороший тот человек или нет, они тоже могли помочь присмотреться.

— Старуха, подожди, я с тобой пойду. Только не будь слишком прямолинейной, а то ещё напугаешь человека. Второму мальчику и без того жилось нелегко, женитьба - дело хорошее.

Супруги взяли гостинцы и поспешно, бок о бок, направились к бамбуковой роще. По дороге им встретилась семья старшего брата, Сяо Чанфу. Сяо Чаншань и Ли Син-эр молча обошли их

стороной. Сяо Чанфу всегда презирал их за бедность, но пусть они и жили бедно, достоинства не теряли и сами к нему никогда не лезли.

С тех пор как Сяо Чанфу услышал, что брак Сяо И уже решён, последние несколько дней он постоянно ходил с мрачным лицом. В родной семье его жены как раз была подходящая девушка: стоило ей один раз увидеть Сяо И, как она больше не могла его забыть и во что бы то ни стало хотела выйти за него замуж.

Сяо Чанфу, держась с важностью старшего дяди, уже приходил к Сяо И поговорить об этом деле, но получил отказ. А тот, развернувшись, взял да и решил жениться на пришлом гэре, из-за чего Сяо Чанфу стал посмешищем для всей деревни и совсем опозорился.

А у дома семьи Чжао под большим деревом у въезда в деревню в это время никак не утихал переполох. Чжао Шуан заперся в комнате и выплакал глаза докрасна.

Его мать не могла войти и тревожно металась снаружи:

— Шуан-гэр, послушай мать. Этот Сяо И тоже не бог весть что. Подумаешь, несколько вонючих полей у него есть, нам такое не нужно. В другой день мать найдёт тебе кого-нибудь лучше.

Чжао Шуан разрыдался ещё сильнее:

— Ты не понимаешь, кто бы ни был другим, это всё равно не он. Чем я хуже этого Линь Мудуна?

Стоило ему подумать о Сяо И, как сердце будто резало ножом.

Мать выругалась:

— Тьфу! Это всё Сяо И слепой и не понимает своего счастья!

— Мама, а может, я обычно нарочно держался холодно, и он решил, что мне безразличен? Поэтому и собрался жениться на другом? Мама, как думаешь, может, он специально женится на другом, чтобы позлить меня? Ведь ещё позавчера он на меня смотрел.

За дверью его мать надолго замолчала, не находя слов. Не услышав ответа, Чжао Шуан окончательно пал духом и так сильно сжал ладони, что ногти впились в кожу.

Впереди ещё столько времени. Он не верил, что мужчина сможет всю жизнь прожить, храня верность одному фулану. Когда у Сяо И пройдет первое увлечение, тот всё равно ему наскучит. Ему нужно лишь подождать, в конце концов Сяо И всё равно будет его.

Подумав об этом, Чжао Шуан вытер слёзы, снова сел перед зеркалом, принялся подводить брови и наконец улыбнулся.

<http://bllate.org/book/19002/1935773>